

ПЕТЛЯ

Вера Тёмная

18+

Вера Тёмная

Петля

«Автор»

2026

Тёмная В.

Петля / В. Тёмная — «Автор», 2026

Психотерапевт Майя Зорина создала закрытый чат для успешных людей с фобиями. Анонимность, доверие, поддержка. Но когда одного из участников находят мёртвым — с пакетом на голове и без следов взлома, — Майя понимает: его убили его же страхом. Тем, о котором он рассказывал только ей. Убийца в чате. Он называет себя «Зеркало». Он знает потаённые фобии каждого из тридцати двух участников. Он копирует почерк, голоса, лица. Он — пустота, отражающая чужие кошмары. За пять дней Майя должна вычислить его среди тех, кого лечила годами. Потому что следующее сообщение от «Зеркала» — это чей-то смертный приговор. А следующей жертвой может стать она сама. Психологический триллер о природе страха, цене профессионального доверия и зеркалах, в которых прячутся монстры.

© Тёмная В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Петля	9
Глава 2. Человек, которого не было	14
Глава 3. В среду вечером	20
Глава 4. Квартира 272	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вера Тёмная

Петля

Пролог

За десять минут до того, как всё началось, Майя Зорина смотрела на свои руки и думала о том, что кожа — это ложь.

Руки лежали на подлокотниках кресла — спокойные, расслабленные, пальцы чуть согнуты. Идеальный терапевтический жест: я здесь, я слушаю, я не опасна. Никто из клиентов не знал, что она держит руки именно так, чтобы скрыть дрожь. Дрожь появлялась всегда в один и тот же момент — за десять минут до начала сеанса. Майя ждала её, как ждут старую знакомую, которую не звали, но которая всё равно приходит.

Сегодня дрожь была сильнее обычного.

Потому что сегодня в кресле напротив сидел человек, который пах лавандой.

Не просто лавандой — а именно тем сортом, который использовался в дорогих ароматических свечах. «Прованс. Урожай августа». Майя знала этот запах слишком хорошо. Десять лет назад она купила такую свечу для Льва. Он зажигал её каждый вечер перед сном. Говорил, что лаванда глушит мысли. Что только с ней он может дышать.

— Меня зовут Виктор, — сказал клиент.

Он сидел, закинув ногу на ногу. Костюм-тройка, идеально выбритые виски, ботинки ручной работы. Успешный. Опасный. Те, кто выглядят такими собранными, обычно рассыпаются громче всех.

— И я боюсь зеркал.

Майя чуть наклонила голову. Жест номер семнадцать: поощрение к продолжению. Никакого удивления. Клиент не должен видеть, что ты удивлён.

— Зеркал, — повторила она ровно. — Что именно вас пугает?

— Что я увижу не себя.

Он сказал это буднично, как говорят о погоде. Но что-то в его голосе заставило Майю на секунду забыть о руках. Дрожь исчезла. Это случалось редко — когда клиент был настолько сломан, что её собственный страх отступал. Уступал место профессиональному голоду.

— Вы уже видели... не себя?

Виктор посмотрел ей в глаза. У него были очень светлые, почти прозрачные радужки. Такие глаза бывают у людей, которые долго смотрят на что-то яркое, а потом отводят взгляд, и мир остаётся выжженным.

— Один раз, — сказал он. — Месяц назад. Я чистил зубы перед сном, поднял голову — и в зеркале стоял кто-то другой. Моё лицо, но не моё. Он улыбался. Я не улыбался.

— Что вы сделали?

— Разбил зеркало.

— Это помогло?

Виктор медленно расцепил руки. Положил ладони на колени. Майя заметила, что подушечки его пальцев стёрты до мяса. Свежие раны. Он их грызёт или трёт о что-то.

— Нет. Теперь я вижу его в окнах. В экране телефона. В ложках.

Пауза.

— Вы верите мне?

Майя выдержала паузу ровно три секунды. Не больше, не меньше. Она знала правила. Нельзя говорить «да» — это создаёт зависимость от одобрения. Нельзя говорить «нет» — это разрушает альянс.

— Я верю, что вы это видите.

Он усмехнулся. Усмешка вышла кривой, однобокой — левая половина лица отстала на долю секунды. Неврологическое? Или эмоциональный паралич?

— Знаете, почему я выбрал вас? — спросил он. — Я читал вашу статью. «Петля страха: как экспозиция переписывает нейронные связи». Там была фраза... — он прикрыл глаза, цитируя по памяти: — «Страх — это не слабость. Это карта. Если пройти по ней до конца, она приведёт тебя к тому, что ты прячешь».

Он открыл глаза.

— Я хочу пройти до конца.

И тогда Майя почувствовала запах сна. Лаванда. Урожай августа. Свеча на столе брата.

Она моргнула — и увидела Льва. Он сидел на месте Виктора. Двадцать пять лет. Руки сложены на коленях, точно так же. И смотрел на неё с тем же вопросом: ты поможешь мне?

— Конечно, — услышала она собственный голос. — Мы начнём со следующей среды.

Виктор кивнул, встал и вышел. Майя осталась сидеть в кресле. Руки снова дрожали. Она подняла правую ладонь к лицу и увидела, что пальцы покрыты мурашками. Не от страха. От холода. В кабинете вдруг стало холодно — как будто кто-то открыл окно.

Она обернулась. Окно было закрыто.

На столе завибрировал телефон. Уведомление из «Петли». Чат для избранных пациентов. Тридцать два человека. Все с фобиями. Все успешные. Все анонимные.

Роман, 41 год, аэрофоб.

Сообщение: «Кто-то знает. Кто-то был там.»

А через секунду — «Сообщение удалено».

Майя смотрела на экран. Сердце пропустило удар. Она знала Романа два года. Он никогда ничего не удалял. Он был тем типом пациента, который пишет длинные сообщения, а потом дописывает ещё три в уточнение. Удаление — это не его поведенческий паттерн.

Она написала ему в личные сообщения: «Роман?»

Тишина.

На следующий день в новостях показали его фотографию. Успешный финансист найден мёртвым в своей квартире. Полиэтиленовый пакет на голове. Следов борьбы нет. Предварительная версия — самоубийство.

И Майя знала то, чего не знала полиция.

Роман боялся не пакетов. Он боялся высоты. Его фобия была — упасть в открытое небо. Смерть от удушья не имела к нему никакого отношения.

Если только кто-то не нашёл его настоящий страх.

Тот, который он прятал даже от неё.

Майя открыла ящик стола. На самом дне, под стопкой старых блокнотов, лежал тот самый, десять лет назад потерянный. Она нашла его месяц назад в коробке с вещами брата, которую всё это время не решалась разобрать.

Она открыла страницу, которую помнила наизусть.

Почерк — её собственный.

«Сценарий экспозиции. Уровень 4. Удушье. Пакет. Ограничение дыхания до потери контроля. Цель: пройти сквозь страх задохнуться. Применять с осторожностью. Левая рука на горле — для имитации.»

Роман был левшой.

Она закрыла блокнот.

Кто-то знает.

Кто-то был там.

Конец пролога.

Глава 1. Петля

Три дня после смерти Романа Майя не спала.

Она лежала в темноте с открытыми глазами и слушала, как в груди бьётся чужое сердце. Так бывало всегда после панической атаки — собственное тело казалось ей арендованным, а сердце — слишком громким, будто кто-то поселился внутри и стучит в стенку. Она знала, что это пройдёт. Знала, что нужно дышать по квадрату: вдох — четыре секунды, задержка — четыре, выдох — четыре. Она учила этому клиентов. Но клиентам было легче. Они не знали, что Роман мёртв.

Впрочем, она тоже пока не знала. Она только догадывалась. А догадки, говорил её научный руководитель когда-то, — это опухоль на теле клинического мышления. Не опирайся на догадки. Опирайся на факты.

Факты были такие.

Факт первый: Роман прислал сообщение в чат «Петля» в среду, в 19:42. Текст: «Кто-то знает. Кто-то был там». Через восемь секунд сообщение исчезло. Майя проверила логи чата — удаление было ручным, не автоматическим. Кто-то стёр его пальцем по экрану. Либо сам Роман, либо тот, у кого был доступ к его телефону.

Факт второй: тело Романа нашли в четверг утром. Полиция установила время смерти — между восемью и десятью часами вечера среды. То есть через несколько минут после сообщения. Возможно, прямо во время.

Факт третий: причина смерти — асфиксия. Полиэтиленовый пакет был надет на голову и затянут сзади. Никаких следов борьбы. Никаких посторонних ДНК. Пакет был из его собственной кухни.

Факт четвёртый, который не знал никто: Роман боялся не этого. Майя вела его два года. Его фобией был страх открытого пространства и высоты. Агорафобия с акцентом на падение. Он не мог выйти на балкон выше третьего этажа. Он не летал на самолётах. Он выбирал рестораны с низкими потолками. Пакет на голове — это замкнутое пространство. Это не его страх. Это чей-то чужой.

Чей?

Майя села на кровати. Часы показывали 3:17. Она включила ноутбук и открыла «Петлю».

Чат выглядел обычно. Тридцать два участника, восемь из них в онлайн. Она прокрутила историю сообщений за последние дни. Ничего подозрительного. Обычные реплики: кто-то рассказывал о прогрессе в терапии, кто-то просил поддержки перед сложным днём. Анонимный чат был устроен так, что участники знали друг друга только по псевдонимам. Майя была единственной, кто знал их настоящие имена.

Она открыла профиль Романа. Псевдоним: «Атлант». Потому что он держал небо, говорил он. Небо — это его страх, и он держал его каждый день, чтобы не упасть вверх.

Последний вход: среда, 19:43.

Она проверила IP-адрес. Квартира Романа. Его телефон.

Потом она сделала то, что не делала никогда, — открыла личную переписку с ним. Не терапевтическую. Не профессиональную. За два года у них накопилось несколько десятков сообщений, и ни одно из них не нарушало границ. Кроме, возможно, последнего.

Роман написал ей за час до смерти. Не в чате. В личные сообщения. Она не заметила этого тогда, потому что была с клиентом.

«Майя, я должен кое-что рассказать. Это не для чата. Позвоните мне, когда сможете.»

Она не позвонила.

Она закрыла ноутбук и встала. В три двадцать ночи она пошла на кухню, налила воды и выпила залпом. Рука дрожала, вода пролилась на подбородок, на шею, на чёрную футболку. Она не вытерла. Она смотрела в окно на огни города и думала о том, что Роман боялся высоты, а жил на двадцать седьмом этаже.

Это была экспозиция.

Он сам так решил. Он говорил: «Если я буду жить высоко, я привыкну. Я перепишу свои нейронные связи». Он цитировал её статью. Он верил ей.

И теперь он мёртв.

Утром она поехала в офис.

Кабинет находился в старом особняке на Чистых прудах. Майя арендовала его пять лет назад и обставила сама: никаких кушеток, никаких фрейдистских атрибутов. Два кресла друг напротив друга. Равные. Она не верила в иерархию в терапии.

На столе лежал вчерашний блокнот. Она убрала его в ящик, но он всё равно был здесь. Майя не помнила, чтобы доставала его утром.

Она снова открыла страницу про удушье.

Её почерк. Десятилетней давности. Она писала это для Льва. Лев тогда проходил через тяжёлый эпизод — панические атаки по несколько раз в день. Врачи разводили руками. Майя, тогда ещё аспирантка, решила лечить его сама. Она составляла сценарии экспозиции: шаг за шагом, уровень за уровнем. Страх темноты. Страх толпы. Страх замкнутого пространства.

Страх удушья.

Лев никогда не боялся удушья. Этот сценарий она написала не для него.

Она закрыла блокнот. Ей нужно было подумать. Но телефон зазвонил раньше, чем она успела.

Номер скрыт.

— Слушаю.

— Майя Зорина?

Голос был мужским, незнакомым. Спокойный, почти ласковый. Так говорят врачи перед неприятной процедурой.

— Да. Кто это?

— Моё имя вам ничего не скажет. Я по поводу Романа.

Майя почувствовала, как сердце снова стало чужим. Громким и слишком быстрым.

— Кто вы?

— Я был его другом. Близким. Он говорил обо мне?

— Нет. Роман не рассказывал о друзьях.

— Это потому, что я не существую, — сказал голос и коротко рассмеялся. — Шутка. Неудачная. Простите. Я звоню, потому что Роман просил передать вам кое-что, если с ним что-то случится.

— Что именно?

— Не по телефону. Давайте встретимся. Сегодня. В четыре. Кафе «Птица» на Покровке. Вы знаете его.

Майя знала. Роман часто ходил туда. Низкие потолки.

— Почему я должна вам верить?

Пауза.

— Потому что я знаю, чего он боялся на самом деле, — сказал голос. — И это не высота.

Он повесил трубку.

Майя сидела, прижимая телефон к уху, хотя там уже гудели гудки. В голове билась одна мысль. Не о звонке. Не о Романи.

О блокноте.

Она точно помнила, что убрала его в ящик вчера вечером. И точно помнила, что не доставала его сегодня.

Но он лежал на столе.

Открытый на странице про удушье.

Телефон завибрировал снова. На этот раз — уведомление из «Петли».

Новое сообщение. От пользователя, которого она не приглашала.

Псевдоним: «Зеркало».

Текст: «Доктор Зорина, вы тоже боитесь. Хотите узнать чего?»

Она нажала на профиль. Пустой. Никакой информации. Никакого IP, который можно отследить. Пользователь появился в чате без приглашения — а это было невозможно. Чат был закрытым. Доступ только по ссылке, которую она отправляла лично.

Она обновила страницу.

Сообщение исчезло.

И тогда Майя сделала то, чего не делала никогда за пятнадцать лет практики. Она закрыла лицо руками и начала считать. Раз, два, три, четыре. Вдох. Раз, два, три, четыре. Выдох.

Не помогло.

Потому что где-то в глубине дома скрипнула половица.

В её собственной квартире.

Где она была одна.

Телефон зазвонил опять. Она дёрнулась и увидела имя на экране. Виктор. Новый клиент. Тот самый, с лавандой.

Она ответила.

— Майя, — сказал он. Голос был глухим, как будто он говорил из-под воды. — Я должен вам кое-что сказать.

— Я слушаю.

— Сегодня утром я посмотрел в зеркало. И увидел не себя.

Она молчала.

— Я увидел вас. Вы стояли у меня за спиной. И улыбались. Но вы не улыбались. Вы никогда так не улыбаетесь.

Майя медленно обернулась.

В тёмном стекле книжного шкафа мелькнуло её отражение. Бледное лицо. Чёрная одежда. Рука с телефоном у уха.

За её плечом никого не было.

Но ей показалось — на долю секунды, на кратчайший миг, — что отражение улыбнулось иначе, чем она сама. Шире. Дольше.

— Приходите завтра на сеанс, — сказала она Виктору ровным голосом. — В десять утра.

Она положила трубку и не стала оборачиваться снова.

В четыре часа у неё была встреча с человеком, который не существует. В кафе, где низкие потолки и где Роман пил кофе за день до смерти.

А пока ей нужно было проверить замки. Все.

И найти того, кто был в её квартире.

Конец первой главы.

Глава 2. Человек, которого не было

Кафе «Птица» находилось в подвале старого дома на Покровке. Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься по узкой лестнице, пригнув голову, и толкнуть тяжёлую деревянную дверь, которая всегда заедала. Майя знала эту дверь. Она знала здесь всё: запах кофе и старых книг, тусклый свет ламп с абажурами, столики, расставленные так тесно, что между ними приходилось протискиваться боком. Роман выбрал это место три года назад, когда они решили провести одну из сессий вне кабинета — часть экспозиционной терапии. Идея была в том, чтобы он привыкал к общественным пространствам с низкими потолками. Кафе подходило идеально.

Теперь она сидела за тем же столиком, за которым когда-то сидел он, и смотрела на пустую чашку. Кофе она не заказала. Ей не нужно было кофе. Ей нужно было, чтобы руки были чем-то заняты.

Человек, назвавшийся другом Романа, опаздывал на семь минут.

Майя использовала эти минуты, чтобы разложить всё по полкам. Она не любила беспорядок в голове. Беспорядок — это топливо для тревоги, а тревога — это профессиональный риск, который она не могла себе позволить.

Итак. Что мы имеем.

Первое. Роман мёртв. Его убили способом, который не соответствует его фобии. Это не случайность. Это почерк.

Второе. Кто-то проник в её чат. Чат, который она строила три года и защищала как банковский сервер. Этот кто-то оставляет сообщения под псевдонимом «Зеркало» и исчезает, не оставляя цифровых следов.

Третье. Её старый блокнот, пропавший десять лет назад после смерти брата, каким-то образом вернулся в её жизнь — и не просто вернулся, а лёг на стол именно той страницей, где описан сценарий удушья. Сценарий, который она не помнила, чтобы писала.

Четвёртое. Сегодня утром в её квартире скрипнула половица. Она проверила все замки — они были целы. Она проверила все комнаты — они были пусты. Но кто-то там был. Или есть.

Пятое. Новый клиент с запахом лаванды видит в зеркалах не себя, а её. И её улыбку. Ту, которой она никогда не улыбается.

Шестое — и это самое неприятное. Все эти факты связаны. Она чувствовала это не логикой — логика пока молчала. Чувствовала тем местом, которое не имеет названия в анатомии, но которое есть у каждого, кто хоть раз терял близкого. Местом, где живёт предчувствие беды.

— Майя?

Она подняла голову.

Перед ней стоял мужчина лет сорока. Высокий, сутулый, в сером пальто, которое было ему велико на размер. Лицо узкое, с глубокими залысинами, глаза светлые и немного навывкате — такие глаза бывают у людей с проблемами щитовидной железы или у тех, кто слишком долго не спит. Он смотрел на неё и не улыбался.

— Это я звонил, — сказал он и сел напротив, не дожидаясь приглашения. — Простите за опоздание. Проверял, нет ли за мной хвоста.

— Хвоста?

— Я параноик, — сказал он просто. — Диагностированный. Так что можете не смотреть на меня как на пациента. Я знаю.

— Я не смотрела на вас как на пациента.

— Нет, смотрели. У вас профессиональная деформация. Вы оцениваете мою позу, мимику и, вероятно, уже поставили мне предварительный диагноз. Не надо. Я здесь не для терапии.

Майя откинулась на спинку стула. Она действительно оценивала его позу. Закрытая, руки скрещены, плечи приподняты. Защита. Страх. Но не перед ней.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Алексей.

— Это ваше настоящее имя?

— Это имя, которое я вам скажу. Настоящее вам знать не обязательно. Для дела — я Алексей.

— Хорошо, Алексей. Вы сказали, что знаете, чего боялся Роман на самом деле. Я слушаю.

Алексей оглянулся. В кафе было почти пусто: только пожилая пара в углу и девушка с ноутбуком у окна. Он всё равно понизил голос.

— Роман боялся не высоты. Он боялся падения.

— Это одно и то же.

— Нет. Высота — это про пространство. Падение — это про контроль. Он боялся не того, что сорвётся с балкона. Он боялся, что его толкнут.

Майя промолчала.

— Он мне рассказывал, — продолжил Алексей, — что в детстве у него был старший брат. Брат любил подходить сзади и неожиданно толкать. Не чтобы ударить, а чтобы проверить реакцию. Роман падал, а брат смеялся. Это длилось годами. И однажды Роман упал с лестницы.

Сильно. Сотрясение, больница. Брат сказал родителям, что это несчастный случай. Но Роман знал — он толкнул его специально. Просто в этот раз он упал не туда.

— Он никогда не рассказывал мне об этом.

— Он никому не рассказывал. Кроме меня. Потому что я не психотерапевт, и мне можно было рассказывать то, что стыдно. Стыд — это вообще единственная эмоция, которую не лечат. Вы, психотерапевты, умеете работать со страхом, с гневом, с виной. Но стыд — он как пятно на белой рубашке. Его можно только прятать.

Алексей замолчал и посмотрел в окно, хотя окна в подвальном кафе не было. Смотрел в стену.

— Вы сказали по телефону, что Роман просил передать мне что-то, — напомнила Майя.

— Да. — Он сунул руку во внутренний карман пальто и достал сложенный лист бумаги. — Вот.

Майя взяла лист. Развернула.

Это была распечатка сообщения из «Петли». Того самого, которое Роман написал за час до смерти. Но здесь оно было длиннее.

«Кто-то знает. Кто-то был там. Я проверил. Он был в моей квартире. Он знает про брата. Он знает про всё. Майя, я должен вам рассказать. Это не для чата. Позвоните мне, когда сможете. И ещё...»

Дальше текст обрывался.

— Почему здесь больше, чем в чате? — спросила она.

— Потому что он писал это мне. В личку. А в чат сбросил только первую часть. Для вас.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, хотел, чтобы вы увидели, но не всё сразу. Может быть, боялся, что чат читает кто-то ещё. — Алексей потёр лицо ладонями. — Я пытался дозвониться до него в тот вечер. Он не ответил. Утром я увидел новости.

Майя смотрела на распечатку. Фраза «он знает про брата» жгла глаза. Она подумала о своём блокноте. О своём брате. О том, что кто-то, возможно, знает и про неё.

— Алексей, — сказала она медленно, — как Роман познакомился с вами?

— Анонимная группа. Не ваша. Другая. Для людей с ПТСР. Я там был как участник. Он — тоже. Мы разговорились после собрания, оказалось, что у нас похожие... триггеры. Слово не люблю, но другого нет.

— Вы сказали, что у вас диагностированная паранойя.

— Да.

— Что именно вас пугает?

Алексей посмотрел ей в глаза. Взгляд был прямым и очень спокойным.

— Меня пугает, что за мной следят.

— Кто?

— Я не знаю. Но с тех пор как я начал общаться с Романом, это чувство усилилось. И знаете что? После его смерти оно не исчезло. Оно стало ещё сильнее. Как будто тот, кто следил за ним, теперь следит за мной.

Он встал.

— Мне пора. Я не должен был приходить. Но Роман просил передать вам это, если с ним что-то случится. Он вам доверял. Говорил, что вы единственная, кто не врёт.

Он повернулся, чтобы уйти, но Майя остановила его.

— Подождите. Что значит «он знает про брата»? У Романа действительно был брат?

Алексей остановился, но не обернулся.

— Да. И он тоже мёртв. Утонул десять лет назад. Но Роман никогда не верил, что это был несчастный случай. Он говорил, что кто-то помог ему утонуть. Кто-то, кто знал, что он не умеет плавать.

— Кто?

Алексей обернулся.

— Тот, кто знал, чего он боится. Страх воды. Аквафобия. У брата Романа была аквафобия.

Он ушёл.

Майя осталась сидеть за столиком. В голове звенело. Аквафобия. Брат. Утонул. Десять лет назад.

Десять лет — это когда погиб Лев.

Она развернула лист бумаги ещё раз и перечитала последнюю строчку.

«И ещё...»

Что — «ещё»?

Она перевернула лист. На обратной стороне ничего не было. Поднесла к лампе. Никаких скрытых знаков. Просто распечатка.

Телефон завибрировал.

«Петля». Новое сообщение от «Зеркала».

«Вы уже встретились с Алексеем? Не верьте ему. Он не тот, кем кажется. Спросите, где он был в среду вечером».

Майя набрала ответ, которого не должна была набирать, — профессиональный психотерапевт никогда не вступает в диалог с неизвестным. Но она была не просто психотерапевтом. Она была женщиной, у которой убили пациента.

«Кто вы?»

Ответ пришёл мгновенно.

«Я — тот, кто знает, чего вы боитесь. Ваш страх — не удушье. Ваш страх глубже. Хотите, скажу?»

Она не ответила.

«Вы боитесь, что это вы убили брата».

Майя выронила телефон.

Он упал экраном вверх, и она видела, как сообщение медленно исчезает — буква за буквой, слово за словом, как будто кто-то стирал его в реальном времени.

Через пять секунд экран был чист.

Часы показывали 16:48.

В кафе зашёл новый посетитель. Высокий, в тёмном пальто. Сел за стойку. Заказал эспрессо. И посмотрел на Майю.

Это был Виктор.

Дверь открылась снова. Алексей. Он вернулся. Лицо бледнее, чем минуту назад.

— За мной следят, — сказал он. — Прямо сейчас. Я не могу выйти. Там машина. Стояла, когда я пришёл, и стоит до сих пор.

Майя посмотрела на Виктора. Виктор смотрел на неё и улыбался. Левая половина лица улыбалась, правая — нет.

— Садитесь, — сказала она Алексею. — Рассказывайте, где вы были в среду вечером.

Он сел, не сводя глаз с человека в тёмном пальто. Человек в тёмном пальто поднял чашку, как будто салютуя им.

— В среду вечером, — сказал Алексей, — я был у Романа.

Конец второй главы.

Глава 3. В среду вечером

— Вы были у него, — повторила Майя. — В среду вечером. В день смерти.

— Да.

— И вы молчали об этом.

— Я не молчал. Я просто не сказал сразу. Это разные вещи.

— Для психотерапевта — одинаковые.

Алексей снова оглянулся на Виктора. Тот сидел у стойки и медленно пил эспрессо, не глядя в их сторону. Слишком медленно. Слишком не глядя. Человек, который не смотрит на тебя, иногда смотрит внимательнее того, кто смотрит в упор.

— Кто это? — спросил Алексей.

— Мой новый клиент.

— Почему он здесь?

— Пока не знаю. Не отвлекайтесь. Вы были у Романа. Во сколько?

Алексей вздохнул и опустил плечи. Защита, которую он держал последние десять минут, дала трещину. Майя видела, как из трещины сочится страх — не тот, который он показывал раньше, а другой. Густой, старый, слежавшийся за годы терапии и поверх неё.

— Я пришёл к нему около семи вечера. Он позвонил мне за час до этого. Сказал, что случилось что-то важное и что он должен показать мне кое-что. Я приехал. Мы говорили примерно полчаса. Потом он попросил меня уйти.

— Что он вам показал?

Алексей полез в карман пальто — на этот раз в другой — и достал маленький предмет. Положил на стол.

Флешка. Обычная, чёрная, без опознавательных знаков.

— Он дал мне это. Сказал: «Если со мной что-то случится, передай Майе». Я спросил, что на ней. Он ответил: «То, за что меня убьют».

Майя взяла флешку. Холодный пластик. Никаких царапин, никаких маркировок. Новая.

— Вы смотрели, что на ней?

— Нет. Он просил не смотреть. Сказал, что это опасно.

— И вы не посмотрели?

— Я параноик, а не идиот. Если человек говорит мне, что информация на флешке может меня убить, я предпочитаю ей не интересоваться.

— Но вы оставили её себе.

— Потому что параноики ещё и не доверяют полиции. Я решил, что вы — лучший вариант.

Майя сжала флешку в кулаке. Холодный пластик нагрелся мгновенно — или это её ладонь стала горячей.

— Что ещё он сказал?

— Он сказал... — Алексей замялся. — Он сказал, что кто-то из чата — не тот, кем кажется. Что один из ваших пациентов знает о других то, что знать не должен. Вещи, о которых они рассказывали только вам.

— Он назвал имя?

— Нет. Сказал, что ещё не уверен. Но собирался проверить в тот же вечер.

В среду вечером.

Майя вспомнила сообщение Романа в чате. «Кто-то знает. Кто-то был там». А потом — удаление. И смерть. И пакет на голове.

— Почему вы ушли? — спросила она. — Если он боялся, если знал, что ему угрожает опасность, — почему вы оставили его одного?

Алексей долго молчал. Потом сказал очень тихо:

— Потому что он попросил. И потому что я испугался.

— Чего?

Он поднял глаза. Светлые, слишком выпуклые, с красными прожилками.

— Когда мы говорили, в квартире что-то стукнуло. В спальне. Как будто что-то упало. Роман побледнел и сказал: «Всё, уходи». Я спросил, что там. Он сказал: «Ничего. Уходи сейчас же». И я ушёл. Просто встал и вышел. Я слышал, как он закрыл за мной дверь на замок. Это был последний раз, когда я его видел.

Майя молчала.

— Вы думаете, — сказал Алексей, — что в спальне уже кто-то был.

— Я не думаю. Я знаю.

Она поднялась.

— Вы куда?

— К Роману домой.

— Это плохая идея. Там полиция. Опечатано.

— Мне нужно увидеть его квартиру.

— Зачем?

Она не ответила. Она уже шла к выходу, мимо стойки, мимо Виктора. Виктор проводил её взглядом. Левая половина его лица всё ещё улыбалась, но теперь и правая пыталась догнать — как будто мышцы вспоминали забытое движение.

У двери Майя обернулась.

— Алексей, вы сказали — за вами следят. Машина.

— Да.

— Опишите её.

— Чёрный седан. Тонированные стёкла. Номер московский, но я не запомнил.

— Где она стояла?

— На углу, у аптеки. Но когда я вернулся, её уже не было.

— Когда вы вернулись?

Алексей замолчал. Потом сказал:

— Только что. Минуту назад. Её не было, но был кое-кто другой.

— Кто?

— Ваш клиент. Тот, что у стойки. Он стоял на том самом месте, где была машина.

Майя посмотрела на стойку. Стул был пуст. Чашка из-под эспрессо — тоже. Виктор исчез.

Она вышла на улицу. Апрельский ветер пах бензином и мокрым асфальтом. Она достала телефон, вызвала такси и только потом заметила, что всё ещё сжимает флешку в кулаке. Разжала пальцы. На ладони остался красный след.

Пока машина ехала, она позвонила в офис своему администратору — пожилой женщине по имени Алла, которая работала с ней с самого начала.

— Алла, добрый день. Мне нужен список всех участников «Петли». Настоящие имена и псевдонимы. Можете сбросить на почту?

— Конечно, Майя Дмитриевна. Что-то случилось?

— Ничего. Просто сверка данных.

Она повесила трубку и открыла ноутбук. Флешка вошла в разъём с тихим щелчком.

На экране появилась единственная папка. Название: «Петля».

Внутри — тридцать два файла. По одному на каждого участника чата.

Майя открыла первый. Файл назывался «Атлант» — псевдоним Романа.

Внутри было досье.

Не терапевтическое. Не записи сессий. Досье, которое мог бы собрать частный детектив — или сталкер. Фотографии Романа в разные дни. Адрес. Распорядок дня. Имена родственников. Банковские счета. И отдельная страница с заголовком «Страх».

Там было написано: «Падение. Толчок. Брат. Лестница. 1994 год».

И ниже — «Удушье. Сценарий экспозиции. Уровень 4».

Майя закрыла файл. Открыла следующий. Следующий назывался «Феникс».

Досье на женщину. Анна Корсакова, 34 года, владелица сети салонов красоты. Псевдоним «Феникс». Фобия — огонь. Она пережила пожар в детстве.

На странице «Страх» было написано: «Пожар. Запертая дверь. Запах бензина. 2001 год».

И ниже: «Удушье. Сценарий экспозиции. Уровень 4».

Майя открыла третий файл. Четвёртый. Пятый.

В каждом — одно и то же. Настоящее имя. Настоящий страх. И последняя строка — про удушье. Про сценарий. Про уровень 4.

Кто-то собрал досье на всех её пациентов.

Кто-то знал их страхи — не те, что лежат на поверхности, а те, что спрятаны глубоко, под годами терапии. Те, которые они, возможно, не рассказывали даже ей.

Кто-то вписал в каждое досье смерть.

И только в одном файле — последнем, который она открыла, — страница «Страх» была пуста.

Псевдоним: «Зеркало».

Имя: не указано.

Фобия: не указана.

Сценарий экспозиции: не указан.

Но внизу была приписка, сделанная другим шрифтом, как будто её добавили позже:

«Страх номер ноль. Тот, кто боится себя. Тот, кто не знает, кто он, когда смотрит в зеркало. Тот, кто убьёт всех остальных, чтобы доказать, что он настоящий».

Такси остановилось у дома Романа. Майя закрыла ноутбук, не вынимая флешки. Сердце снова колотилось где-то в горле, но она не обращала внимания. Она расплатилась, вышла из машины и подошла к подъезду.

Дом был новым, высотным, с консьержем в холле. Она знала код — Роман дал его ей год назад на случай экстренной связи.

Она набрала цифры. Дверь открылась.

— Вы к кому? — спросил консьерж, поднимая голову от газеты.

— К Роману Викторовичу. Я его психотерапевт.

Консьерж нахмурился.

— А вы разве не знаете? Его квартира опечатана. Полиция была. И ещё... — Он замолчал.

— Что «ещё»?

— Да странно всё это. В среду вечером к нему приходили двое. Один вышел через полчаса. А второй...

— Что — второй?

— А второй не выходил. Я уснул, не видел. Но камера показала: первый вышел, а второй — нет. Хотя дверь открывалась. Но никто не проходил.

— Вы сказали полиции?

— Сказал. Они ответили, что камера, наверное, глючит.

— А вы уверены, что она не глючит?

Консьерж обиделся.

— Я на этой работе десять лет. Камера не глючит. Просто тот, кто вошёл вторым, вышел как-то иначе.

— Как?

— Не через дверь.

Майя почувствовала, как холод поднимается от пола по ногам, через позвоночник, к затылку.

— Мне нужно подняться, — сказала она.

— Не положено.

— У меня есть код. И ключи. Роман Викторович дал их мне лично.

Консьерж посмотрел на неё долгим взглядом. Потом кивнул.

— Двадцать седьмой этаж. Квартира 272. Но учтите — дверь опечатана. Если сорвёте пломбу, у меня будут неприятности.

— Не сорву.

Она вошла в лифт и нажала кнопку с цифрой 27.

Лифт пошёл вверх. Медленно. Слишком медленно. На каждом этаже Майя считала: пятнадцать, шестнадцать, семнадцать. Стеклокабина поднималась над городом. За прозрачными стенами расплзались огни. Высота. Открытое пространство. Она подумала о Роме — как он каждый день заходил в этот лифт и смотрел вниз, и дышал, и боролся. Два года терапии. Два года экспозиции. И всё ради чего? Чтобы умереть не от того, чего боялся.

Двадцать семь.

Двери открылись.

На площадке было темно. Лампочка не горела. Майя включила фонарик на телефоне и пошла по коридору.

Квартира 272. Дверь. Жёлтая полицейская пломба поперёк косяка.

Майя стояла перед ней минуту. Может, две. Она не знала, зачем пришла сюда. Что она хотела увидеть? Место преступления? Улику? Но она чувствовала — здесь что-то есть. То, что полиция не нашла, потому что не знала, что искать.

Она нажала ручку.

Пломба хрустнула.

Дверь открылась.

И из темноты пахнуло лавандой.

Конец третьей главы.

Глава 4. Квартира 272

Запах был густым и сладким — не намёк, не воспоминание, а волна. Так пахнет в дорожных спа-салонах, где воздух пропитан эфирными маслами настолько, что кружится голова. Лаванда. Та самая. «Прованс. Урожай августа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.